

Лариса Джейкман

ЮДОЛЬ ЖЕНСКАЯ

Москва
Интернациональный союз писателей
2024

УДК 1:316.3

ББК 60.02

Д40

Продюсер проекта *Ольга Грибанова*

Джейкман, Лариса

Д40 Юдоль женская: роман / Лариса Джейкман. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2024. — 148 с.

ISBN 978-5-6050651-6-6

«Юдоль женская» — третья часть трилогии «Тени ушедших времён».

Эта книга о женщинах, на чью долю выпали тяжёлые испытания военных и послевоенных лет, об их стойкости и непреодолимой воле к жизни.

Часто мы восхищаемся силой духа и мужеством, которые проявляют мужчины, но героини романа: Раиса и две её дочери Лариса и Нина — ломают этот стереотип. Они преодолели всё: потерю мужей, обман и предательство, трудности войны, беды и лишения.

Но какой же силой духа нужно обладать, чтобы, стоя на коленях, у последней черты порой, не перешагнуть её, а подняться и начать жить заново.

У читателя будет возможность заглянуть в сердца и души этих женщин, вдохновиться их силой и любовью к жизни.

Автору эта книга особенно дорога, так как она о её родных и близких людях.

УДК 1:316.3

ББК 60.02

© Лариса Джейкман, 2024

ISBN 978-5-6050651-6-6

© Интернациональный Союз писателей, 2024

РАЕЧКА

*Глаза прекрасны, взгляд, увы, тревожен:
Души усталость или сердца боль?!
– Так плохо всё? – спрошу вас осторожно.
– Иль непосильна женская юдоль?..
Автор неизвестен*

В те далёкие дни, после революции 1905 года и задолго до начала Первой мировой войны, жизнь людей складывалась очень нелегко. В воздухе витали страх и неопределённость, и они накладывали отпечаток на настроение и самочувствие людей.

Раиса Суслова, скромная девушка семнадцати лет, вернулась домой после проживания в услужении в семье богатого астраханского рыбопромышленника Александра Аристарховича Шмита.

Приехав к родителям, Елене Фокеевне и Матвеем Прокосьевичу, она сразу заметила их тревожное состояние. Жили они неплохо, хотя по сравнению с условиями у Шмитов, родительский дом показался ей бедным, но всё таким же родным и дорогим её девичьему сердцу.

– Ну как вы тут без меня? – спросила она отца с матерью, но они лишь пожали плечами и ответили:

– Да ничего, справляемся, дочка. Горынька, братец твой, женился, жену в дом не привёл, живут своим двором. А к тебе аж два жениха сватаются.

Раечка покраснела и сказала, конфузясь:

– Да ну вас, право! Так уж и два? И кто такие?

– Павел Шевченко, Андрея Кузьмича сын. Да ещё и Никита Болотин, ты с ним в девчонках всё на реку бегала.

– Да помню я, только как выбирать-то? Никита этот всё драться норовил, а Павел хоть и взрослый, да больно уж тихий, не слышать его сроду и не видать. Всё бочком да пошустрей по улице прошмыгнуть старается.

Родители переглянулись, усмехнулись и ответили:

— Да ты их помнишь юнцами безусыми, а они-то уж повзрослели. Никита совсем мальчишкой был, а нынче выше отца на голову, справный парень. А Павел тихий, скромный, но пригож лицом да трудолюбивый. Тебя постарше, это да. Вот и думай, выбирай.

— Ладно, — сказала Раечка. — Поживём — увидим.

— Да сваты уж и на пороге, считай. В эту пятницу Болотины зайдут, Никита с ними. Ты прихорошись, дочка. Только не очень по-городскому. Скромней-то лучше.

Раечка знала, о чём мать предупреждает: видела она её платья, из города привезённые. Тут, на заводской окраине, таких не носили. Одевались по старинке, даже красивые девчата выглядели старомодно. А у Раечки платья были поновей да с кружавчиками. Фасон другой, всё по фигуре.

В пятницу после бани девушка стала готовиться к смотринам. Аккуратно причесалась и уложила волосы тугой косой вокруг головы. Платье надела лиловое с серым рисунком, по подолу оборка, рукав у проймы фонариком, а от локтя узкий.

— Ну девка, городская совсем, — сказала мать, глядя на дочь, а отец заметил жене:

— Как ты, Еленька, в молодости. Такая же была тоненькая, что тростинка. Раиска вся в тебя. Только что же это платье-то узко в талиях? Тебе и дышать, небось, трудно, а?

— Да нет, батюшка. Нетрудно мне дышать. Так нынче модно. Я его на базаре у купчихиной дочки купила. Ей пошили, а не подошло. Она пошире меня будет. А мне в самый раз.

И Раечка закурилась по комнате так, что подол всколыхнулся и светлые ботиночки со шнурками показались из-под юбки.

Все ждали сватов и изрядно волновались. Вскипятили самовар, выставили блюдо с пряниками да баранками и чашки с блюдцами расставили вдоль стола.

Скрипнула калитка, и Раечка было метнулась за дверь, в соседнюю комнату. Но Елена остановила её:

— Сядь за стол и жди здесь. Хозяйкой будешь, гостей к чаю пригласишь. Нечего бегать туда-сюда!

Матвей распахнул дверь и позвал гостей в комнату. В сенях слышались разговоры, кому первому входить, и родители жениха подтолкнули Никиту вперёд. Тот несмело шагнул через порог, пригнув голову, да не рассчитал: притолока была низковата, и молодой мужчина со всей силы ударился об неё лбом.

В руках у него был вместительный кулёк с конфетами в ярких обёртках, он его выронил от неожиданности, и сладости рассыпались по полу.

Раечка прыснула, прикрыв рот кулачком. Никита залился краской, потирая тут же образовавшуюся на лбу шишку. Матвей стал собирать конфеты с пола, а все остальные застыли в молчаливых позах, не зная, с чего начать разговор.

Первой нашлась Елена:

— Да вы не смущайтесь, гости дорогие. Эка невидаль — ударился парень о притолоку. Матвей — и тот шибается иногда, когда забудет. Проходите к столу. Раечка, помоги гостям.

Все засуетились, стали рассаживаться вокруг стола, молодых усадили друг напротив друга. Никита глаз так и не поднимал, всё смущался. Раиса тоже помалкивала. Говорили в основном родители: про урожай, про сено, про скотину. Обсудили свои дела насущные. А потом и до молодых добрались.

— Никита у нас парень хозяйственный, работник справный. Характером не злой. Чем не жених вашей Раечке! Скажи, Никита, по нраву ли тебе невеста, а может, чего воспрощать у неё хочешь?

— Ничего не хочу. Пусть Рая сама спросит, коли забыла чего. Мы с ней с детства знакомы, — ответил парень и вновь потёр слегка посиневшую шишку на лбу. А на невесту так и не взглянул.

Раечка встала со своего места, достала с полки большую медную кружку и протянула Никите:

— На вот, приложи. А то весь лоб синяком покроется.

Тот кружку взял, но прикладывать не стал, так и сидел смущённый и отвечал невпопад.

Родители Никиты поспрашивали Раечку о её жизни в доме Шмитов, спросили, не собирается ли она обратно. Но девушка сказала, что родителям она нужнее, помогать по хозяйству надо:

— Наверное, останусь пока. А там и без меня обойдутся.

На этом разговор закончился. Сваты поблагодарили радужных хозяев за гостеприимство и попросили позвать Никиту, коли помощь какая нужна будет.

— А ты, Раечка, уж не сердчай на него, — сказала девушке мать жениха, отведя её в сторону. — Сконфузился он, вот и молчал, как в рот воды набрал. А так он парень хороший, добрый. Не обидит.

Гости ушли, а Раечка начала хохотать и подбирать с полу то там, то тут валявшиеся конфетки: Матвей не успел всё собрать.

— И чего ты смеёшься? Парню позор какой, хоть бы пожалела его, — сказал отец, а мать спросила:

— Ну и что ты думаешь? Как тебе Никита? По-моему, он жених славный.

Но Раечка была настроена против и не стала увиливать от ответа:

— Я за него замуж идти не согласная! Он длинный какой, я ему по пояс. Это что за муж? Да ещё краснеет, как девица. Подумаешь, лбом ударился, что ж теперь, и не разговаривать совсем? Матушка его говорит, не обидит, мол. А как в детстве дрался? Забыли уже? Всё меня за косы таскал да хворостинной охаживал. Нет! Никите Болотину я отказ дам.

Родители переглянулись, но перечить не стали. Отец лишь заметил:

— Ты, Раёнка, не горячись. Человеческую судьбу решаешь. С умом надо, а не со смехом.

— Ладно, батя. Я вот Павла Шевченко видела на днях в керосинной лавке. Он поздоровался со мной. Возмужал, серьёзный такой. Вот он мне как жених глянулся, а Никита ваш молодой ещё, хоть и ростом с версту. Коли придут меня за Павла сватать, тогда и решать буду.

Второе сватовство прошло благополучно. Серьёзное семейство Шевченко прибыло в дом Сусловых в полном составе, хорошо и опрятно одетые, в добротных вещах. Сразу видно, что семья не бедствует. Павел был крепким и коренастым, ростом выше среднего, с окладистой бородой. Он был очень похож на отца, только глаза как у матери, добрые и со смешинкой.

Раечка в этот раз надела юбку цвета шоколада под пояс и белую шелковистую кофточку к ней. На кофточке были вышиты снежинки, а мелкие прозрачные пуговички, которые шли от самого ворота, напоминали льдинки.

Павел смотрел на девушку с интересом. Всю оглядел с ног до головы, глаз не прятал и в разговоре оказался умён и приветлив.

У него была небольшая винная лавка в городе, которую они содержали вместе с отцом. Но отец уже решил отойти от дел и передать всё сыну, а тот хотел стать военным, говорил, что для мужчины это честь — быть защитником отечества.

— Я вот в Тверь хотел податься, там кавалерийское училище есть. Правда, крестьянское сословие не очень жалуют, на офицеров обучают выходцев из дворян. Но мещан берут. Глядишь, и подамся на другой год.

— А коли женишься, тогда как? — спросила Раечка.

— С женой поедем, — серьёзно ответил Павел.

Но его мечта не сбылась. Запрос, направленный в училище, вернулся с отказом. Иногородних принимали редко, нужны были хорошие рекомендации, поручительства, а этого Павлу добыть не удалось, поэтому от идеи пришлось отказаться.

А свадьбу молодые сыграли вскоре после знакомства. Полюбились Раиса с Павлом друг другу с первого взгляда. И Раечка очень переживала, пока они ждали ответ из Твери, не хотелось ей покидать родную Астрахань, ехать на чужбину и жить в съёмном углу, пока её суженый будет обучаться военному делу.

Но всё решилось само собой, а тут и первенец родился. Ясным весенним утром 8 апреля 1908 года на свет появилась девочка. Ясноглазая, пухлявенькая, с кудряшками — она сразу стала любимицей всего семейства. Имя девочке давали в церкви, и батюшка заметил:

— Это же надо, Бог послал вам дитя прямо в день ангела святой мученицы Ларисы. Вот и имя вам готово. Доброе имя, хорошее. Наречём вашу дочь Ларисой.

Так и записали. Родители согласились, имя не расхожее, а греческое толкование этого имени — «чайка». Это им в церкви молодой дьякон сообщил, он начитанный был, всё знал про имена святых мучеников.

Родители воспитывали свою дочь с любовью, но и в строгости держали. Шалить и баловаться ей не позволялось, она должна была быть во всём послушной и не капризничать. К такому поведению маленькую Лёлю, так ласково называли её родители, приучали с малых лет. Она росла помощницей маме по дому, так как отец трудился до самого поздна, но всё своё свободное время, когда оно выпадало, он посвящал дочери.

Летом они вместе копались в огороде или отправлялись на реку ловить рыбу, осенью собирали нехитрый урожай, солили капусту в огромных деревянных бочках, зи-

мой отец катал дочку на самодельных санках и понемногу учил её грамоте, когда она подросла.

Раиса была хозяйкой в доме, содержала его в образцовой чистоте. Родители Павла оставили им свой дом и лавку после смерти; они ушли один за другим, когда их внучка Лариса была ещё совсем маленькой.

Ненадолго пережили их и Раечкины родители. Сначала похоронили Матвея Прокопьевича, а вскоре слегла и Еленька. Раиса ухаживала за матерью долго и с любовью.

Егор, брат Раисы, навещался нечасто. Но пару раз вечерами, вернувшись из хлева или со двора после ухода за скотиной, Раечка заставляла его в доме. К лежачей матери он почти не подходил, а всё суетился по дому да быстро исчезал при появлении сестры.

«И чего топчется, чего ему здесь надо?» — часто думала Раиса и решила всё же поговорить с братом в следующий раз. Ей казалось, что он что-то ищет в родительском доме, но никак не может найти.

Еленька будто прочитала мысли дочери и как-то тихонечко подозвала её к себе:

— Присядь, дочка, я поговорить с тобой хочу. Вот помру я скоро, так ты уж дом-то этот не дели с Горынькой. Негоже ему, мужику, в примаках-то жить. А к нам они с женой не захотели. Только сдаётся мне, не очень он желанный в их доме-то.

— Да Господь с тобой, маменька! Нашла о чём тужить. Пусть забирает. Только рано сейчас об этом. Ты давай выздоравливай и ещё годочков с десятком...

Раиса не договорила, мать перебила её, взяв в свою руку дочкину ладонь:

— Ты послушай мать-то, я тебе чего сказать хочу: ты дом оставь брату, а сама только сундук мой старый заberi, слышишь?

— А на что он мне? Там ещё с прошлого века твои наряды да батина одежда. Мне этот сундук без надобности.

— А я говорю, забери сундук, весь, как есть. И Горыньке не давай в нём рыться. Там нету отцова ничего. А ты мне потом спасибо скажешь. Как помру, так сразу и вывезите его с Павлом. Здесь ни на день не оставляй, поняла?

Раечка призадумалась, что за тайны, зачем ей сундук. Но больно уж настойчиво мать её просила, значит, неспроста.

До самой смерти Елены Фокеевны Раиса разрывалась на два дома, а последние недели и вовсе к матери перебралась с маленькой Лариской.

— Устала я, Паша, — призналась она мужу. — Ты в своей лавке целыми днями, а я и за дитём, и за мамой должна успеть. Уж лучше я здесь поживу пока, да и ты перебирайся, коли хочешь.

Но Павел перебираться в дом тёщи не стал, хотя приходил каждый день, продукты приносил, печку топил, дрова рубил, воды набирал полные вёдра, чтобы на следующий день хватило. А спать всегда домой уходил. Там тоже и протопить надобно, да и в лавку с утра из дому сподручней.

Так и прожили всю зиму врозь, а к весне 1912 года Еленька померла. Схоронили её на местном кладбище, рядом с Матвеем. Так и стояли два крестика, один возле другого, в память о двух любящих сердцах. И поминки справили, всех соседей позвали, Горынька с семьёй прибыли, они и с похоронами помогли. Помянули Еленьку добрым словом, поплакали — да разошлись.

Раиса, Егор и Павел остались одни и принялись за уборку в осиротевшем доме.

— Горынька, ты вот в дому-то теперь хозяином будешь. Так мама завещала. Дом тебе, а мне вот только бы зеркало со стены забрать да сундук кованный, — с грустью проговорила Раечка.

Брат глянул на неё, усмехнулся и проговорил: